

РЮРИК: ВАРЯЖСКОЕ ИМЯ ДРЕВНЕРУССКИХ КНЯЗЕЙ

Изучение антропонимии династии Рюриковичей – одно из наиболее активно и плодотворно разрабатываемых направлений в современной историографии Древней Руси¹. В круге исследуемых проблем находится и история скандинавских по этимологии имён в иноэтничной по происхождению древнерусской династии. Генеалогически первым среди них является имя основателя рода – «Рюрик», обоснованно возводимое исследователями к древнескандинавскому *Hroerekr* («могучий славой»)². Любопытно, однако, что это имя всего лишь три раза встречается в именовании Рюриковичей, причём в XI-XII вв. С одной стороны, это вроде бы указывает на сохранение некоей родовой памяти об общем предке, с другой, требует объяснения сравнительная редкость в его бытовании. Казалось бы, имя основателя династии должно пользоваться среди его потомков определённой популярностью. Но этого как раз и не наблюдается. Пусть редкое, но всё же наличие имени в антропонимиконе Рюриковичей может, в какой-то степени, служить подтверждением вероятной историчности самого Рюрика. В то же время редкость употребления и отсутствие имени в династии до середины XI в. ставят эту историчность под сомнение. Можно ли попытаться объяснить такую особенность именованного древнерусской княжеской династии?

Для ответа на этот вопрос необходимо определить, считался ли Рюрик основателем княжеского рода, по крайней мере, уже в XI веке (когда среди потомков Ярослава Мудрого появился первый из трёх Рюриков) или же стал таковым лишь под пером летописцев конца XI – начала XII в., выстраивавших «линейную» парадигму ранней русской истории и соответственно единую генеалогию первых князей³. При этом подчеркнём, что несущественно в данном случае, был ли в действительности Рюрик предком Рюриковичей или только считался таковым – его восприятие в качестве предка княжеского рода уже являлось для его представителей реальностью. Сомнения в историографии относительно первого предложенного варианта базируются прежде всего на свидетельствах двух источников, не упоминающих Рюрика в числе предков Владимира Святославича, – «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона и «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова мниха. Первое произведение, автором которого считается киевский митрополит Иларион, датируется в историографии в пределах 1037 – 1051 гг.⁴ Второе, автором которого, возможно, был некий монах Иаков, – ещё более неопределённо: XI веком (скорее

всего второй половиной), или даже ещё более поздним временем⁵. В «Слове...» митрополита Илариона говорится о «великом кагане нашей земли» Володимере, внуке «старого Игоря», сыне «славного Святослава». В «Памяти и похвале...» о вокняжении Владимира в Киеве «на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря». Итак, дальше Игоря восходящая генеалогия Владимира не простирается. Этот факт дал возможность исследователям предполагать, что в XI в. Рюрик не считался предком древнерусских князей, ибо в противном случае он был бы упомянут. Несостоятельность этой аргументации очевидна. Не говоря уже о том, что это аргумент «от умолчания»⁶, сам жанр и стилистика обеих произведений не позволяют ожидать пространных генеалогических экскурсов.

«Слово...» митрополита Илариона представляет собой памятник церковной риторики – по форме изложения это проповедь, сама стилистика которой не требует перечисления всех предков князя⁷. В «Памяти и похвале...» же речь идёт лишь о киевских князьях («И седе (Володимер) на месте отца своего Святослава и деда своего Игоря»), а Рюрик, как известно, киевского престола не занимал. Точно так же, только киевские князья перечислены в «Повести временных лет» под 852 г. Этот перечень княжений (подчеркнём, летописный!) начинается с вокняжения в Киеве Олега (счёт лет идёт с 882 г.⁸) и именно поэтому не упоминает Рюрика. Таким образом, оба источника не могут ни подтвердить, ни опровергнуть восприятие Рюрика в качестве родоначальника древнерусских князей в XI в. Кроме того, как справедливо отмечает Е.А. Мельникова, для древнерусских источников XI-XII вв. вообще не характерно перечисление предков князя дальше деда⁹. Устойчивая пара «отец – дед», «отчина – дедина» и т.д., конечно, могла и не иметь чисто генеалогического значения. Учитывая различный контекст известий, приведём конкретные примеры. «Повесть временных лет»: «якоже дед мой и отец мой доискася дружиною злата и сребра» (князь Владимир, под 996 г.), «и придета Киеву на стол отец наших и дед наших» (Святополк и Владимир Мономах, под 1096 г.), «сего не бывало есть в Русьской земли ни при дедех наших, ни при отцех наших, сякого зла» (Владимир Мономах об ослеплении Василька, под 1097 г.). Ипатьевская летопись: «я не угрин, ни лях, но одного деда есмы внуци» (Святослав Всеволодович сыну своего четвероюродного брата Ярославу Изяславичу). Киево-Печерский патерик: «блаженный отец твой Давид, или дед твой Святослав» (лечец Пётр князю Святоше (иноку Николаю) Давыдовичу). «Слово о полку Игореве»: «Игоря, сына Святославля, внука Ольгова». «Слово о погибели Русской земли»: «великому князю Всеволоду, отцу его Юрию, князю киевскому, деду его Володимеру Манамаху». Подобного рода примеры можно продолжать. Практически мы не найдём развёрнутой восходящей генеалогии того или иного князя в древнерусских источниках (в отличие, например, от скандинавских саг). Это,

конечно, не значит, что слова «прадед» не было вообще. Напротив, оно встречается уже во вводной части «Повести временных лет»: «закон же и у вактриян, глаголеми врахманеи островьници, еже от прадед показаньемь и благочестьемь мяс не ядуще...» (речь идёт о рахманах, отождествляемых с бактрийцами). Но это слово могло означать и деда, и просто далёкого предка, в конкретном же генеалогическом значении оно в древнерусских памятниках употребляется редко и, как можно думать, в основном в период после монгольского нашествия. До этого «прадед» выполняет ту же хронологически окрашенную функцию традиции, что и в большинстве случаев «дед»: «не было того ни при прадедех, ни при дедех, ни при отце вашем...» (описание Липицкой битвы 1216 г. в Московско-Академической летописи XV в.). Следовательно, и это положение убедительно подтверждает некорректность привлечения «Слова...» Илариона и «Памяти и похвалы...» Иакова мниха для рассуждений о генезисе генеалогического восприятия образа Рюрика. А значит, Рюрик мог считаться родоначальником княжеского рода уже в XI в. Несмотря на отсутствие исчерпывающей генеалогической информации о княжеском роде X-XI вв., можно утверждать, что, по крайней мере, в середине XI в. Рюрик уже воспринимался в качестве предка династии. Первый князь с таким именем, Рюрик Ростиславич, правнук Ярослава Мудрого, судя по хронологии родословной, родился уже после смерти Ярослава, но не позже середины 1060-х гг., скорее всего на рубеже 1050-х – 1060-х (годы жизни деда, Владимира – 1020-1052, смерть отца, Ростислава, датируется 3 февраля 1067 г.). Но, если так, то почему же это имя не стало распространённым у Рюриковичей?

Обратившись к подобному европейскому материалу, нетрудно заметить существование двух близких антропонимических закономерностей в отношении имён родоначальников (или тех, кого считали таковыми), основателей правящих родов (при этом речь не идёт о богах, подобно скандинавскому Одину, чьи имена однозначно сакрализировались). Одна тенденция обнаруживает устойчивое повторение таких имён или их частей. Примером тому могут служить французские династии. Если относительно изначально христианских Каролингов и Капетингов ситуация вполне очевидна (у Каролингов имена Арнульф, Пипин и Карл, а у Капетингов имена Руперт (Роберт) и Гуго пользуются значительной популярностью в течение долгого времени), то династия Меровингов в данном контексте вполне сопоставима с Рюриковичами, ибо её первые поколения относились к языческим временам. Имена этих первых королей Мервей (Меровех), Хильдерик и Хлодвиг (Хлодовех) становятся династическими, причём со стабильным принципом варьирования родового имени¹⁰. Имя «первопредка» династии Меровея в идентичной форме встречается не часто. Известно, по крайней мере, четыре примера, относящихся к четвёртому, пятому и шестому поколениям от Хлодвига в двух ветвях (в старшей

ветви в четвёртом и пятом поколениях у дяди и племянника, в младшей ветви в шестом поколении у двух двоюродных братьев), но варьирование имени проявляется уже у внука первого Меровея, причём сохраняется вторая часть имени (Меровех – Хлодовех). Такой же принцип, как уже отмечалось в историографии, известен и в британских династиях. Нечто подобное наблюдается в чешской династии Пржемысловцев. Хотя короли Чехии знают только одного Борживоя кроме первого христианского правителя из этого рода (в то время как имя Пржемысла появляется в династии несколько раз на протяжении второй половины XII – XIII вв.), варьирование родового имени при сохранении только второй части (Борживой – Владивой) присутствует и здесь. Другая тенденция обнаруживает значительно большую редкость в употреблении имени основателя династии, вплоть до отсутствия идентичных имён вообще. Здесь опять-таки типологически наиболее близки Рюриковичам династии, прошедшие и языческий и христианский периоды истории, и имевшие, вероятно, устную генеалогическую традицию. Так, например, имя Пяст в польской династии среди его потомков никогда больше не встречалось, то же относится и к венгерским Арпадам.

Наконец, некоторые скандинавские династии также обнаруживают подобную закономерность. Среди потомков датского Горма не было ни одного Горма, ещё более древняя династия Скъьльдунгов не знала ни одного Скъьльда (Скильда), кроме легендарного родоначальника. И даже в роду норвежских Инглингов, несмотря на то, что «имя Ингви долго считалось в его роде почётным званием, и его родичи стали потом называться Инглингами»¹¹, мы найдём лишь ещё одного конунга, имеющего абсолютно идентичное имя (получили распространение имени по принципу варьирования – Инги, Ингьяльд и др., что сближает Инглингов с теми династиями, где этот принцип получил широкое распространение). При этом необходимо учесть, что вышеприведённые примеры касаются тех династий, которые только со временем стали христианскими, и, казалось бы, неупотребление имени языческого родоначальника может быть объяснено именно фактором христианизации. Однако, во всех этих династиях (за исключением, быть может, только Арпадов), подобно династии Рюриковичей, не наблюдается резкой смены именослова в связи с христианизацией, напротив, перед нами скорее картина плавной эволюции. Иными словами, эти примеры отнюдь не демонстрируют жёсткой закономерности в широкой популярности имён родоначальников или наиболее древних предков у их потомков. Наоборот, такие имена зачастую употребляются редко (или вообще не употребляются) или же сохраняются в качестве частей в новых именах. Очевидно, что имя Рюрик вполне ~~возможно~~ ~~возможно~~ в определённом смысле «табуизировалось», а сам Рюрик воспринимался как в значительной степени легендарный персонаж – некий первопредок княжеского рода: недаром на Руси не сохранилось ни сведений о его предках, ни каких бы то ни было развёрнутых преданий о его княжении. Имена же князей, преемников Рюрика – непо-

*)

средственных устроителей государства (Олег, Игорь, Святослав) и особенно крестителя Руси Владимира (Василия) – напротив, стали постоянным явлением в княжеском антропонимиконе. Рудименты подобной традиции, вероятно, можно обнаружить и позднее: любопытно, что в династии Романовых имя её основателя царя Михаила Фёдоровича (названного, очевидно, в честь дяди, впоследствии трагически погибшего ныробского узника, Михаила Никитича¹²) неизвестно вплоть до 1798 г., а его «возрождению» способствовали лишь особые идеологические обстоятельства¹³.

Тем не менее имя «Рюрик» хоть редко, но всё же появлялось в династии Рюриковичей. Вероятно, его актуализация каждый раз была связана с определёнными, вполне конкретными причинами, восстановить которые тем более сложно, поскольку нет исчерпывающей информации по всем линиям княжеской генеалогии. Тем не менее попытаемся рассмотреть все три известных случая.

1. Рюрик Ростиславич (ум. в 1092 г.), князь Перемышльский, правнук Ярослава Мудрого¹⁴. Судя по условной генеалогической хронологии, родился уже после смерти Ярослава, т.е. после 1054 г. Принадлежал к той ветви потомков Ярослава, которая «выпала» из лестничной системы престолонаследия (системы родового старейшинства) и по сути стала «изгойской». Дед Рюрика, Владимир Ярославич, княжил в Новгороде и умер ещё при жизни отца. Отец Рюрика, Ростислав Владимирович, в 1064 г. бежал в Тмутарокань. Не совсем понятно, какие были у него владения до этого, во всяком случае, сыновья Ростислава с 1080-х гг. пытаются закрепиться в Юго-Западной Руси¹⁵. В 1086 г. Рюрик Ростиславич княжил в Перемышле, а на Любечском съезде 1097 г. Перемышль и Теревовль были закреплены за его братьями Володарем и Василько. Сочетание имён братьев Ростиславичей – Рюрик, Володарь и Василько¹⁶ – выглядит не случайным. Можно предположить, что на их имянаречение повлиял политический контекст – именами своих сыновей князь Ростислав Владимирович хотел подчеркнуть принадлежность своей семье к княжескому роду, её происхождение от общих для всех древнерусских князей предков: Рюрик (наиболее древний предок, основатель рода), Володарь (ср. Володимир, по принципу «варьирования родового имени», аллюзия на имя крестителя Руси Владимира Святославича) и Василько (ср. Василий – имя князя Владимира в рещении), а следовательно, и право на определённую часть земельных владений. Примечательно, что в следующих поколениях этой династии бытуют имена Ростислав, Владимир (Владимирко), Ярослав, а также имя Иван, история которого в роду Рюриковичей требует отдельного рассмотрения.

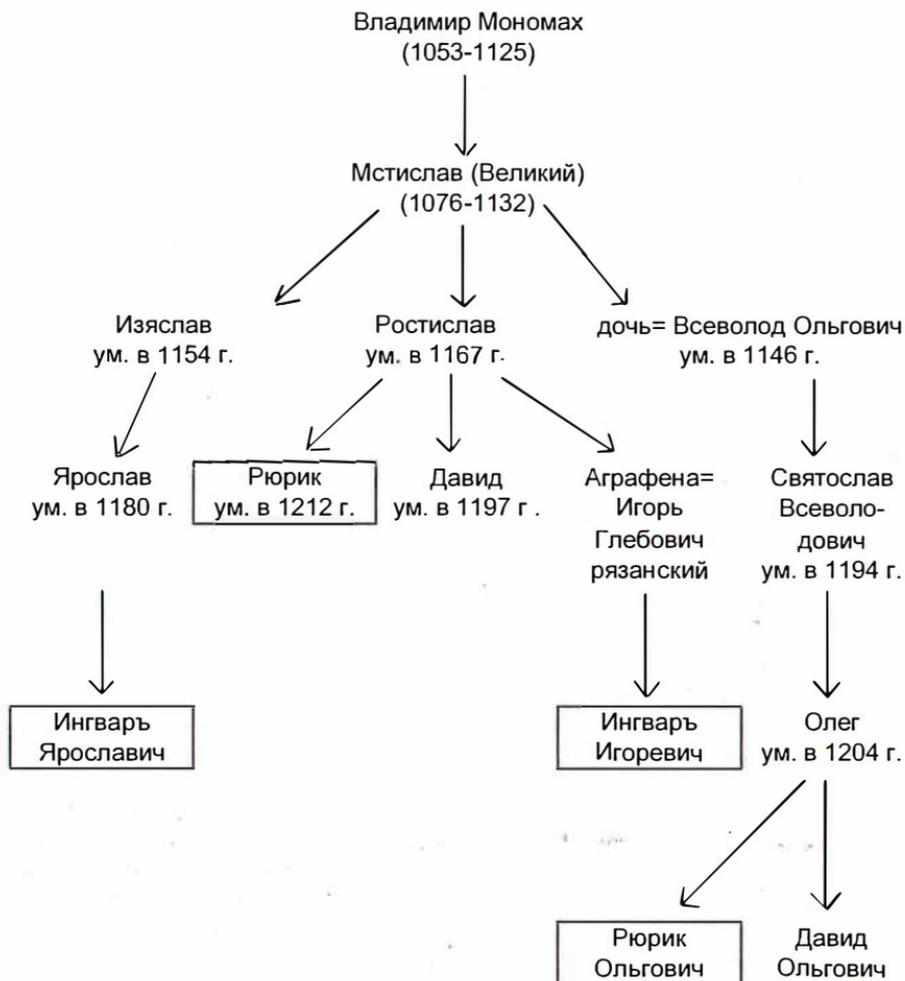
2. Рюрик Ростиславич (ум. в 1212 г.?), внук Мстислава Великого, семь раз занимал киевский стол в конце XII – начале XIII в. Заманчиво было бы сопоставить его имя с именем предыдущего князя, полного тезки, но ни

генеалогические, ни политические связи в данном случае не обнаруживаются. Возможно, «возрождение» имени Рюрик в потомстве Мстислава Великого вписывается в общий контекст появления ряда скандинавских по происхождению имён в этой ветви Рюриковичей в связи со скандинавским браком самого Мстислава (дочери Мстислава Мальмфрид, Ингибьёрг, Рогнеда; вероятно, также имя «Ингварь»: два правнука Мстислава – Ингварь Ярославич и Ингварь Игоревич, второй – племянник Рюрика Ростиславича)¹⁷. Хотя, судя по хронологии летописей, Рюрик родился уже после смерти деда: первый раз он упоминается как смоленский князь в 1157 г., участвующий в военных действиях¹⁸, что позволяет отнести время его рождения к рубежу 1130-х – 1140-х гг., следовательно, он умер в возрасте около 70-ти лет. Примечательно, что христианское имя Рюрика Ростиславича, Василий, опять-таки отсылает к традиции, идущей от Владимира святого. Таким образом в именах Рюрика Ростиславича как бы соединились имена двух основателей династии: генеалогического родоначальника языческих времён и христианского предка – крестителя Руси.

3. Рюрик Ольгович, черниговский князь, в крещении, возможно, Константин. Сведения о нём весьма неопределённые: его упоминают В.Н. Татищев в 1212 г. под именем Рюрик и, вероятно, Любецкий синодик под именем Константин; так что в историографии есть сомнения в его существовании¹⁹. Если Рюрик Ольгович – реальный князь, то его имя, скорее всего, восходит к имени предшественного Рюрика Ростиславича. На это указывают, во-первых, имя его брата Давыда Ольговича, которое переключается с именем брата Рюрика Ростиславича – Давыда (Глеба), образуя устойчивую пару «Рюрик – Давыд», и во-вторых, родство через одну из дочерей Мстислава Великого. Рюрик Ольгович – внук киевского князя Святослава Всеволодовича, который по матери доводился двоюродным братом Рюрику Ростиславичу (см. табл.). Совершенно очевидно, что Рюрик Ольгович родился при жизни деда (Святослав умер в 1194 г.) и был младшим современником Рюрика Ростиславича.

Итак, троекратное появление имени «Рюрик» в роду древнерусских князей, по-видимому, объясняется или реальным политическим контекстом (в первом случае) или конкретными междинастическими генеалогическими связями (во втором и третьем случаях). Редкость же в наречении этим именем, именем родоначальника, не представляет собой чего-то экстраординарного по сравнению с антропонимией европейских династий. Превращение имени родоначальника в устойчиво наследуемое династическое имя далеко не всегда становилось обязательным явлением. Воспринимался же Рюрик в качестве основателя рода древнерусских князей в самой княжеской среде, по крайней мере, с рубежа 1050-х – 1060-х гг., и это восприятие, возможно, отражало более раннюю устную генеалогическую традицию²⁰.

Родословная таблица

Имена «Рюрик» и «Ингварь» в потомстве Мстислава (Великого).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мельникова Е.А.* Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имён в древнерусских летописных текстах // У источника. Ч. 1. М., 1997. С. 82-92; *Молчанов А.А.* Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей (О роли отдельных компонентов в полиэтнической основе формирования Древнерусского государства) // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. М., 1992. С. 44-47; *Он же.* Семейный именовослов в автобиографии Владимира Мономаха (К вопросу о путях усвоения князьями Рюриковичами христианских имён) // Восточная Европа в древности и средневековье: Автор и его текст. М., 2003. С. 178-183; *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Выбор славянского и греческого имени для русского князя // Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего средневековья. М., 2001. С. 55-61; *Они же.* Пути усвоения христианских имён в русских княжеских семьях XI – начала XIII в. // Религии мира. История и современность. 2002. М., 2002. С. 36-109; *Они же.* К стратегии именования у Рюриковичей XII в. (Наречение племянника по живому дяде) // Ruthenica. Т. 2. К., 2003. С. 126-153; *Они же.* Варьирование родового имени на русской почве: Об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей // Именовослов. Заметки по исторической семантике имени. М., 2003. С. 136-183; *Гиппиус А.А., Успенский Ф.Б.* К вопросу о соотношении языческого и христианского имени: Древнерусские антропонимические дублеты в типологическом освещении // Славяне и их соседи. Христианский мир между Римом и Константинополем. М., 2000; *Успенский Ф.Б.* Скандинавы. Варяги. Русь. М., 2002. С. 21-63; *Он же.* «И наречен бысть отчим именем...» // Родина. № 11, 2003. Ч. 1. С. 120-122 и др. работы.

² *Мельникова Е.А.* Рюрик, Синеус и Трувор в древнерусской историографической традиции // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998. М., 2000. С. 148.

³ Вторая точка зрения наиболее распространена в историографии. Её в частности обосновывает Е.А. Мельникова, полагающая, что первоначальный образ Рюрика «не содержал представлений о нём как об основателе великокняжеской династии. Именно поэтому авторы середины-второй половины XI в. не упоминают его имени в родословии Владимира, а дети князей не нарекаются его именем. В это время Рюрик остаётся ещё героем локального дружинного сказания». Сама же генеалогия, ведущая княжеский род от Рюрика, есть лишь летописная реконструкция, тем более актуальная в связи с необходимостью «утвердить единство княжеского рода» (*Мельникова Е.А.* Рюрик, Синеус и Трувор... С. 158-159).

⁴ Письменные памятники истории Древней Руси. СПб., 2003. С. 178.

⁵ Там же. С. 181-184.

⁶ На что совершенно справедливо указывает Е.А. Мельникова (*Мельникова Е.А.* Рюрик, Синеус и Трувор... С. 144).

⁷ К слову сказать, именно благодаря этому тексту Игорь Рюрикович и получил в нашей историографии странное прозвище «Старый». Нетрудно заметить, что в самом произведении речь идёт о «старом», т.е. «прежнем», «древнем» Игоре, подобно тому, как «Слово о полку Игореве» говорит о «старых» Владимире и Ярославле. Появление же «прозвища» «Старый» у Игоря и его особенная популярность в советской историографии объясняется, вероятно, нежеланием называть Игоря Рюриковичем, ибо вся ранняя генеалогия Рюриковичей до сих пор признаётся «шитой белыми нитками» (по словам одного из крупных советских историков). Сыграл свою роль в легитимации этого эпитета и пресловутый «антинорманизм».

⁸ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 12.

⁹ **Мельникова Е.А.** Рюрик, Синеус и Трувор... С. 144-145, здесь же и некоторые примеры.

¹⁰ Сформулированному А.Ф. Литвиной и Ф.Б. Успенским (Варьирование родового имени на русской почве...).

¹¹ Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1995. С. 16.

¹² Ср. принцип наречения племянника по живому дяде у Рюриковичей (**Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.** К стратегии именования у Рюриковичей XII в. ...).

¹³ Культ архангела Михаила, пропагандируемый Павлом I (**Уортман Р.** Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. С. 240-241). Тезоименным святым царя Михаила Фёдоровича, кстати, был Михаил Малеин.

¹⁴ Предположение В.К. Зиборова о тождестве Рюрика Ростиславича и его брата Василько (**Зиборов В.К.** Романовы и Рюриковичи (О родословной легенде Рюриковичей) // Дом Романовых в истории России. СПб., 1995. С. 49) представляется слабо аргументированным.

¹⁵ **Котляр Н.Ф.** Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 167-170.

¹⁶ Именно такой порядок следует из летописных сообщений: Рюрик княжит в Перемышле, затем Перемышль отходит Володарю, Василько в известии о Любечском съезде назван после Володаря.

¹⁷ Подробнее: **Джаксон Т.Н.** Исландские королевские саги как источник по истории Древней Руси и её соседей X-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1988-1989. М., 1991. С. 159-164; **Мельникова Е.А.** Источниковедческий аспект изучения скандинавских личных имён... С. 91-92; **Успенский Ф.Б.** Скандинавы. Варяги. Русь. С. 36-43; **Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.** Варьирование родового имени на русской почве... С. 143-144.

¹⁸ Ипатьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. 2. М., 1998. Стб. 491 (ультрамартовская датировка).

¹⁹ **Пятнов А.П.** Рюрик Ольгович черниговский: мифический персонаж или реальный политический деятель XIII века? // Сборник Русского Исторического общества. № 8. М., 2003. С. 287-289 (автор даёт положительный ответ на вторую часть вопроса в заглавии).

²⁰ Имя «Рюрик» вновь появилось в русском именослове в начале XX столетия в контексте культуры 1900-х – 1920-х гг., в пору «Серебряного века». Оно, конечно, воспринималось как некая экзотическая архаика, став частью псевдонима поэта Михаила Александровича Ковалёва (1891 – 1981) – «Рюрик Ивнев». Вероятно, под этим влиянием появлялись и другие «Рюрики» (уже, конечно, в ранний постреволюционный период), как например, этнограф Рюрик Леонидович Садоков, автор книги «Тысяча осколков золотого саза» (М., 1971) (**Орлик Н.И.** Наш курс. Истфак МГУ 1947-1952 гг. // Новая и новейшая история. № 1, 2003. С. 162 – за это указание благодарю Р.Б. Казакова).